

На партийных собраниях писателей

РИГА. В Союзе писателей Латвии состоялось отчетно-выборное собрание партийной организации. С докладом выступил А. Баудис.

— В последнее время, — сказал докладчик, — у нас появилось несколько интересных произведений: роман А. Броделя «Кровью сердца», репортаж Ж. Гривы «Под крыльями альбатроса», пьесы Г. Приеде, роман В. Устиновой «Простая история». Были собраны рассказы ряда молодых писателей, появилось несколько новых романов, новых сборников стихов. Однако у латвийских литераторов еще много нерешенных задач. Круг охватываемых ими тем пока узок. Немало недостатков в работе писательской организации. Недостатки эти объясняются прежде всего слабой активностью многих писателей.

Ликвидируя последствия культуры личности, надо восстановить также право о революционной латышской литературе, — призвал докладчик. — В истории латышской советской литературы достойное место должны занять Линард Лайне и его литературная группа «Лесной фронт».

Выступая в прениях, А. Грингис говорил о том, что литература должна отвечать в первую очередь на важнейшие вопросы жизни. Этого ждет от писателей народ. Но это возможно лишь тогда, когда литератор руководствуется принципом партийности, ясно видит перспективы развития жизни. Эти перспективы урчают в ряде произведений молодых авторов. О склонности некоторых писателей к натуралистическому копированию фактов говорил и К. Краулянь. Константина недостатков, подчеркнул оратор, подменяет в этих произведениях активную борьбу против них. К Краулянь заметил также, что литературная критика в Латвии занимается за последнее время безудержным захваливанием. Нам не нужна ни проработанная, ни фирменная критика.

Интереса к работе других писателей, интереса ко всей литературе в целом — вот чего у нас пока не хватает, — сказал секретарь правления Союза писателей Латвии В. Лукс. — А это первое условие для оживления работы секций, а следовательно, и для оживления работы всей писательской организации.

В прениях выступили также Я. Грант, Д. Нагишья, В. Каулуж, Е. Лагановский, Б. Бураак, К. Румчик и другие.

ТАЛЛИН. На отчетно-выборном собрании партийной организации писателей Эстонии с докладом выступил секретарь партбюро А. Соколов. Он отметил, что недавно, на третьем пленуме ЦК КП Эстонии, обсуждался вопрос о том, как выполняются в республике решения XX съезда партии по идеологическим вопросам. Пленум отметил, что за последнее время эстонские писатели создали немало интересных произведений, добились заметных результатов в преодолении «теории» бесконфликтности и зумтарного социологизма в критике.

А. Соколов рассказал о некоторых полезных собраниях, которые были проведены в партийной организации Союза писателей республики. На них обсуждалась работа с молодыми, произведение писателей, пишущих о жизни современной деревни, участие литераторов в работе периодической печати и т. д.

Участники прений отмечали, что писатели Эстонии редко выступают с боевыми публицистическими статьями и очерками. Р. Парве говорил о том, что писатели Эстонии должны пропагандировать достижения нашей социалистической жизни, разоблачать ложь реакционных эмигрантских кругов. Писателей редко приглашают на совещания передовиков промышленности и сельского хозяйства, и это, по мнению М. Раула, затрудняет творчество писателей в жизни. Председатель правления Союза писателей Эстонии Ю. Смуул критиковал некоторые материалы периодической печати, относящиеся к вопросам литературной жизни, за их поверхностность и серость.

Драматург М. Талвек призвала писателей уже сейчас серьезно подумать о том, какими произведениями встретит эстонская литература сороклетие Великого Октября. Она призвала также к тому, чтобы творческие вопросы в Союзе писателей решались коллективно.

Развитию эстонской литературной критики, ее влиянию на литературу посвятил свое выступление секретарь правления Союза писателей Эстонии Л. Реммельгас. Он отметил отрицательные последствия атмосферы культуры личности. Сейчас атмосфера изменилась, и не случайно за последнее время наблюдается значительный рост эстонской советской литературы.

В прениях поднималось немало других вопросов — и творческих и организационных. Выступавшие критиковали, в частности, партийное бюро за то, что оно уделяло недостаточное внимание бытовым вопросам жизни писателей.

АШХАБАД. Содержательным было отчетно-выборное собрание партийной организации туркменских писателей. Собрание констатировало, что после декады туркменской литературы и искусства в Москве творческая активность писателей Туркмении значительно снизилась. В докладе Б. Сейтакова и в прениях подчеркивалось, что основной причиной этого является слабая связь писателей с жизнью. Туркменские писатели не сумели должным образом воспринять настроения самоощущения в своей среде. Конечно, в этом году появились ряд произведений в прозе, и драматургия, и, главным образом, поэзия. Однако в большинстве из них больше остроты темы жизни обывателя. По-прежнему нельзя признать благополучным положение в таких жанрах, как проза, драматургия, литературная критика. Писатели республики работают пока без должного напряжения.

— Кроме поэмы «Горная стена» молодого поэта А. Худайназара, ничего существенного не создано о крупнейшей стройке республики — Каракумском канале, — говорил А. Атажанов. — Мы не обращаемся к новым интересным темам, которые можно найти на новостройках шестой пятилетки. В журнале «Совет эдебият», кроме двух-трех слабых очерков, о новостройках ничего нет.

Выступая на собрании, писатели-коммунисты связали недостаточную творческую активность со слабостью в работе правления Союза писателей. Творческие секции работают плохо. По существу прекратили свою деятельность, не получая поддержки из Ашхабада, областные отделения Союза писателей Туркмении. Слабо помогает союз молодым авторам. Например, за последние годы молодой поэт М. Сейдов написал несколько поэм, но обсуждение этих произведений почему-то бесконечно оттягивается.

Большое внимание писатели уделяли вопросам перевода на туркменский язык произведений братских литератур. В связи с этим критиковалась работа Туркменгосиздата, где нередко серьезную литературную работу поручают некавалифицированным людям. Республиканская печать редко публикует и рецензирует произведения местных авторов.

Собрание прошло активно. В прениях выступили К. Сейтаев, Д. Халдура, Н. Помма, К. Курбансахов, Б. Пураев и другие.

РОСТОВ-НА-ДОНУ. Отчетно-выборное собрание партийной организации Ростовского областного отделения Союза писателей обсудило отчетный доклад о работе партбюро и избрало новый состав бюро. В докладе в прениях отмечалось, что писатели Дона за минувший год добились некоторых положительных результатов в своей творческой работе. Опубликованы первой книги трилогия «Сотворение мира» В. Закурткина, повесть «Полая вода» М. Никулина, роман «Звезда над поселком» А. Фарбера, историческая повесть «Тимофей Новгородец» Б. Изюмского. С новой поэмой и циклом стихов выступил А. Гарнакерьян. Продолжал трудиться над крупными произведениями А. Калинин, М. Соколов, Г. Шолохов-Синявский, Д. Петров (Бирюк), А. Оленчик-Гнеенко. Старший писатель П. Максимов закончил большую статью монографического характера о работе А. Фадеева над романом «Разгром». Выполняя решение прошлого отчетно-выборного собрания, партбюро в правление отделения больше уделяло внимания работе с молодыми авторами: оживилось любительное движение «Дон», создано Каменское областное объединение начинающих авторов в гор. Шахты. За отчетный период на страницах альманаха «Дон» впервые опубликовали свои произведения 98 молодых авторов — прозаики, поэты и критики. Вместе с тем участники прений отмечали, что в деятельности партбюро и правления отделения имеются серьезные недостатки. Как говорил А. Оленчик-Гнеенко, А. Гарнакерьян, Б. Изюмский, И. Стальский, в отделение не доведена до конца борьба с бездумным, бюрократическим отношением к творчеству в судьбе отдельных литераторов. Не изжиты элементы командования и администрирования в работе правления, не всегда соблюдались коллегиальность.

На собраниях указывалось, что партбюро и правление отделения уделяли мало внимания организации творческих обсуждений и дискуссий. В частности, не были обсуждены ни в рукописи, ни после опубликования роман В. Закурткина, повести М. Никулина и Б. Изюмского.

Участники прений М. Соколов, Ю. Жданов и А. Гарнакерьян говорили о том, что под флагом борьбы с лакировкой действительности, с культом личности и его последствиями некоторые деятели литературы и искусства пытаются чернеть и разносить все то, чего добился наш народ. В этой связи они резко критиковали роман В. Дулинцева «Не хлебом единым».

Говоря о более активном творчестве писателей в жизни, глубоко проникновения их в явления и факты нашей действительности, участники прений обращали внимание на необходимость коренного улучшения идейно-воспитательной работы в партийной организации.

Большое место в отчетном докладе в прениях заняли вопросы, связанные с подготовкой к выходу ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Дон».

К 60-летию Н. Тихонова

Четвертого декабря исполняется 60 лет со дня рождения Николая Тихонова, известного советского поэта, председателя Советского комитета защиты мира, члена Бюро Всемирного Совета Мира. Для проведения юбилей секретариат Союза писателей СССР образовал комиссию под председательством К. Симонова. В Колонном зале Дома союзов состоится торжественный вечер. В Центральном доме литераторов в Москве организуется выставка, посвященная творчеству Н. Тихонова.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 139 (3640)

Четверг, 22 ноября 1956 г.

Цена 40 коп.

ВИДЕТЬ ВСЮ ПРАВДУ!

Открытое письмо французским писателям, опубликованное во «Франс Обсерватэр» заявление «Против советского вмешательства»

Обращаясь к вам с этим письмом, мы считаем необходимым начать его с того, чтобы полностью привести текст нашего заявления, на которое наш долг ответить.

Вот он, этот текст:

«Нижеподписавшиеся, никогда не проявлявшие недружественных чувств к СССР и социализму, сегодня считаем себя вправе заявить протест Советскому правительству против использования луже и танков для подавления восстания венгерского народа и его стремления к независимости, даже учитывая тот факт, что к этому восстанию примешались реакционные элементы, выступавшие с обращениями по радио повстанцев.

Мы считаем и неизменно будем считать, что социализм, как и свобода, нельзя принести на острие штыка. Мы опасаемся, что правительство, навязанное силой, вскоре будет вынуждено для того, чтобы удержаться, само прибегнуть к принуждению и вытекающим отсюда несправедливостям по отношению к собственному народу.

В частности, будучи уверены, что в настоящее время не планируются никаких мер, направленных против свободы венгерских писателей, мы все же не можем отделиться от беспокойства за их судьбу в будущем, и мы заранее выступаем против любых преследований, предметом которых они могут стать.

Учитывая сказанное, мы с не меньшей силой выступаем против лицемеров, имеющих наглость сегодня возмущаться тем, с чем еще вчера они преспокойно мирятся. Мы отрицаем право протеста против советского вмешательства в Венгрию за теми, кто хранил молчание или даже высказывал одобрение, когда Соединенные Штаты зашлиши в крови свободу, завоеванную Гватемалой.

Мы отрицаем это право и за теми, кто осмеливается говорить о «правком перенороте» в тот момент, когда они громко аплодируют «выступлению» в районе Суэцкого канала». Мы отрицаем это право за министром, который в тот самый момент, когда посланные им парламенты вторглись на египетскую землю, проявляет предельный цинизм, осмеливаясь говорить о свободе наций, и голосом, исполненным пафоса, клеймит тех, кто посягает на эту свободу.

Первое и основное требование, с которым мы обращаемся к Советскому правительству, как и Французскому правительству, — это требование истины. Там, где истина торжествует, преступление становится невозможным, там же, где истина подавляется, не может быть ни справедливости, ни мира, ни свободы.

Жан Поль Сартр, Веркор, Клод Руа, Роже Вайян, Симона де Бовуар, Мишель Лейрис, Жак-Франс Роллан, Луи Вильфос, Жанни Бунсуан, Жак Превер, Коллетт Одри, Жан Оранж, Пьер Бост, Жан Ко, Клод Ланман, Марсель Пежо, Проманд, Жан Рейберой, Андрэ Спир, Лоран Шварц, Клод Морган».

Мы надеемся, что вы в своем очерке позаботитесь, чтобы наш ответ вам был опубликован во Франции, там же, где было опубликовано ваше заявление.

А теперь поговорим по существу и начистоту, это особенно необходимо в такой трудный момент истории человечества. Вы пишете, что требуете истины. Давайте установим ее.

Да, то, что произошло в Венгрии, тяжело и трагично. Но вы видите в этом лишь одну сторону. Вы говорите только об участии советских войск в этих событиях, хотя этот факт не заслонил от вас других происходящих в мире событий. Вы хотите видеть правду и поэтому отмахиваетесь от тех политических спекулянтов, кто ныне, протестуя против участия советских войск в венгерских событиях, «хранил молчание или даже высказывал одобрение, когда Соединенные Штаты зашлиши в кровь свободу, завоеванную Гватемалой».

А теперь поговорим по существу и начистоту, это особенно необходимо в такой трудный момент истории человечества. Вы пишете, что требуете истины. Давайте установим ее.

Да, то, что произошло в Венгрии, тяжело и трагично. Но вы видите в этом лишь одну сторону. Вы говорите только об участии советских войск в этих событиях, хотя этот факт не заслонил от вас других происходящих в мире событий. Вы хотите видеть правду и поэтому отмахиваетесь от тех политических спекулянтов, кто ныне, протестуя против участия советских войск в венгерских событиях, «хранил молчание или даже высказывал одобрение, когда Соединенные Штаты зашлиши в кровь свободу, завоеванную Гватемалой».

Мы надеемся, что вы в своем очерке позаботитесь, чтобы наш ответ вам был опубликован во Франции, там же, где было опубликовано ваше заявление.

А теперь поговорим по существу и начистоту, это особенно необходимо в такой трудный момент истории человечества. Вы пишете, что требуете истины. Давайте установим ее.

Да, то, что произошло в Венгрии, тяжело и трагично. Но вы видите в этом лишь одну сторону. Вы говорите только об участии советских войск в этих событиях, хотя этот факт не заслонил от вас других происходящих в мире событий. Вы хотите видеть правду и поэтому отмахиваетесь от тех политических спекулянтов, кто ныне, протестуя против участия советских войск в венгерских событиях, «хранил молчание или даже высказывал одобрение, когда Соединенные Штаты зашлиши в кровь свободу, завоеванную Гватемалой».

Мы надеемся, что вы в своем очерке позаботитесь, чтобы наш ответ вам был опубликован во Франции, там же, где было опубликовано ваше заявление.

Франции на друзей нашей страны. А именно в эти дни, когда вы опубликовали свое заявление против нас с призывом к «торжеству истины», советские солдаты, жертвуя своими жизнями, спасали десятки, а может быть, и сотни тысяч жизней от разгута фашистского террора.

Если бы этого не случилось, мы уверены, что вы спустя некоторое время писали бы другого рода заявление — протест против бешеного, кровавого разгута контрреволюционеров в Венгрии.

Фашисты, как это давно известно, не склонны к методам переубеждения. Они начинают режам в Рейхстаге, а кончают пачками в Освенциме. Что касается венгерских фашистов, то они сразу начали с виселиц на улицах Будапешта и с крестов Варфоломеевской ночи на дверях жилищ коммунистов. Они начали с тысячами убийств для того, чтобы перейти к десяткам тысяч. Они не пренебрегли при этом ни одним из атрибутов фашизма, начиная с костров из книг и кончая еврейскими погромами. Разве случает тот факт, что фашисты уничтожили в Будапеште памятник Димитрову, чье имя прежде всего ассоциируется с историческим лейпцигским процессом, с тем бесстрашным отпором, который этот мужественный и беззащитный тогда человек дал пришедшим к власти фашистам в Германии. Ведь фашистов узнают по «почерку», и когда они сжигают в Будапеште Национальный музей и стреляют в людей, пытающихся потушить пожар, — легко увидеть, какую школу фашистского «правописания» продолжили венгерские ученики Гитлера и сподвижники Хорти.

Вот в этих-то условиях наше Правительство по призыву Революционного Рабочего-Крестьянского Правительства Венгрии и решило оказать военную помощь Венгрии в борьбе с контрреволюцией.

Это было сделано с ясным сознанием, что, встав в позу «невмешательства», мы и вы вместе с нами стали бы свидетелями установления в центре Европы реваншистского фашистского режима.

Разве вам безразлично, во имя чего стали поперек дороги контрреволюционерам советские солдаты?

Мы хотим спросить вас: какую оплату прежних ошибок, совершенных в Венгрии, в том числе связанных и с нашими былины оштакими, — мы, люди, однажды уже вставшие поперек дороги фашизму, завоевавшему до этого всю Европу, не боимся об этом сказать, — какую оплату признали бы вы правильной?

Оплату ценой невмешательства в разгук контрреволюционного террора? Оплату ценой всей крови венгерских трудящихся, которую проливали и пролили бы в дальнейшем фашисты, если бы на их пути не встали советские танки?

Разве нет других путей для исправления ошибок, кроме развязывания контрреволюционных фашистских сил, которые добились ликвидации народно-демократического строя и создания в Венгрии очага новой войны?

Мы обращаемся к вам: вспомните 1936 год, вспомните события в Испании. Ведь вы разделили тогда позицию всех честных людей мира, что не может быть «невмешательства» там, где фашизм репутует мировую войну, где убивают, вешают, закапывают в землю людей во имя торжества фашизма. Подумайте: не является ли то, что произошло в Венгрии, результатом длительной подготовки реакции за пределами этой страны и что когда фашисты истязают людей в Венгрии, а французские реакционеры вслед за этим пытаются громить «Юманите», — это слишком похоже на звенья одной цепи?

Мы задем о том отгоре, который дали реакции французские рабочие. Не является ли он символом того отношения переловых людей мира к попыткам реакции перейти в атаку, которое находится, к нашему сожалению, в столь резком противоречии с вашим заявлением?

Многие из нас встречались с вами, Веркор, Роже Вайян, Жан Поль Сартр, Симона де Бовуар, Клод Морган, в Париже, в Москве и в других городах мира.

Многие из вас проявляли мужество в трудные времена, с оружием в руках участвовали в сопротивлении фашизму. Тогда вы видели правду. Взгляните ей в глаза и сейчас!

Если фашизм, реакция попытаются взять реванш, а попытка хортистов использовать в своих целях события в Венгрии — опасный признак, мы верим, что в этом случае, в конце концов, окажемся с вами в одном лагере. И мы уже сейчас говорим вам:

Мы не хотим, чтобы черной памяти 1933 год, год прихода фашизма к власти, повторялся еще раз в истории. Ни в Венгрии, ни где бы то ни было еще!

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

Мы не хотим, чтобы черной памяти 1933 год, год прихода фашизма к власти, повторялся еще раз в истории. Ни в Венгрии, ни где бы то ни было еще!

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

Франции на друзей нашей страны. А именно в эти дни, когда вы опубликовали свое заявление против нас с призывом к «торжеству истины», советские солдаты, жертвуя своими жизнями, спасали десятки, а может быть, и сотни тысяч жизней от разгута фашистского террора.

Если бы этого не случилось, мы уверены, что вы спустя некоторое время писали бы другого рода заявление — протест против бешеного, кровавого разгута контрреволюционеров в Венгрии.

Фашисты, как это давно известно, не склонны к методам переубеждения. Они начинают режам в Рейхстаге, а кончают пачками в Освенциме. Что касается венгерских фашистов, то они сразу начали с виселиц на улицах Будапешта и с крестов Варфоломеевской ночи на дверях жилищ коммунистов. Они начали с тысячами убийств для того, чтобы перейти к десяткам тысяч. Они не пренебрегли при этом ни одним из атрибутов фашизма, начиная с костров из книг и кончая еврейскими погромами. Разве случает тот факт, что фашисты уничтожили в Будапеште памятник Димитрову, чье имя прежде всего ассоциируется с историческим лейпцигским процессом, с тем бесстрашным отпором, который этот мужественный и беззащитный тогда человек дал пришедшим к власти фашистам в Германии. Ведь фашистов узнают по «почерку», и когда они сжигают в Будапеште Национальный музей и стреляют в людей, пытающихся потушить пожар, — легко увидеть, какую школу фашистского «правописания» продолжили венгерские ученики Гитлера и сподвижники Хорти.

Вот в этих-то условиях наше Правительство по призыву Революционного Рабочего-Крестьянского Правительства Венгрии и решило оказать военную помощь Венгрии в борьбе с контрреволюцией.

Это было сделано с ясным сознанием, что, встав в позу «невмешательства», мы и вы вместе с нами стали бы свидетелями установления в центре Европы реваншистского фашистского режима.

Разве вам безразлично, во имя чего стали поперек дороги контрреволюционерам советские солдаты?

Мы хотим спросить вас: какую оплату прежних ошибок, совершенных в Венгрии, в том числе связанных и с нашими былины оштакими, — мы, люди, однажды уже вставшие поперек дороги фашизму, завоевавшему до этого всю Европу, не боимся об этом сказать, — какую оплату признали бы вы правильной?

Оплату ценой невмешательства в разгук контрреволюционного террора? Оплату ценой всей крови венгерских трудящихся, которую проливали и пролили бы в дальнейшем фашисты, если бы на их пути не встали советские танки?

Разве нет других путей для исправления ошибок, кроме развязывания контрреволюционных фашистских сил, которые добились ликвидации народно-демократического строя и создания в Венгрии очага новой войны?

Мы обращаемся к вам: вспомните 1936 год, вспомните события в Испании. Ведь вы разделили тогда позицию всех честных людей мира, что не может быть «невмешательства» там, где фашизм репутует мировую войну, где убивают, вешают, закапывают в землю людей во имя торжества фашизма. Подумайте: не является ли то, что произошло в Венгрии, результатом длительной подготовки реакции за пределами этой страны и что когда фашисты истязают людей в Венгрии, а французские реакционеры вслед за этим пытаются громить «Юманите», — это слишком похоже на звенья одной цепи?

Мы задем о том отгоре, который дали реакции французские рабочие. Не является ли он символом того отношения переловых людей мира к попыткам реакции перейти в атаку, которое находится, к нашему сожалению, в столь резком противоречии с вашим заявлением?

Многие из нас встречались с вами, Веркор, Роже Вайян, Жан Поль Сартр, Симона де Бовуар, Клод Морган, в Париже, в Москве и в других городах мира.

Многие из вас проявляли мужество в трудные времена, с оружием в руках участвовали в сопротивлении фашизму. Тогда вы видели правду. Взгляните ей в глаза и сейчас!

Если фашизм, реакция попытаются взять реванш, а попытка хортистов использовать в своих целях события в Венгрии — опасный признак, мы верим, что в этом случае, в конце концов, окажемся с вами в одном лагере. И мы уже сейчас говорим вам:

Мы не хотим, чтобы черной памяти 1933 год, год прихода фашизма к власти, повторялся еще раз в истории. Ни в Венгрии, ни где бы то ни было еще!

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

БУДАПЕШТ СЕГОДНЯ

В Будапеште осень. Холодный ветер срывает с каштанов и лип последние листья, собирает их в огромные черно-золотые копны, забрасывает в подвалы домов, в огромные, лишенные стекол витрины магазинов. Неприличные для столицы Венгрии приметы осени. Этот большой город на Дунае мало похож на тот шумный и в то же время организованный с роскошными витринами и чисто подметеными улицами Будапешт, каким он был еще в прошлом месяце.

Трагические события, о которых уже много писалось и рассказывалось, изменили лицо Будапешта. Борьба прогрессивных сил Венгрии против фашистских банд, против реакции, пытавшейся восстановить в стране хортистский режим, была нелегкой. Контрреволюционеры, заседавшие в сильно укрепленных стратегических пунктах и в ряде домов, вдохновленные реакцией всего мира, оказывали ожесточенное сопротивление. Вот почему, когда проходили теперь по Будапешту, видишь разрушенные здания, оборванные провода.

Програв открытый бой, контрреволюция ушла в подполье, изменила методы борьбы с народной властью. Главным оружием контрреволюции стали клевета, грабежи и разбой, убийства из-за угла, террор против всего демократического, истинно народного. Почти две недели удавалось реакции этим способом сдерживать созидательные силы рабочего класса. В эти дни фабрики и заводы бездействовали, общественный транспорт не функционировал, жизнь в городе замерла.

Но так не могло долго продолжаться. С каждым днем рабочие, прогрессивные интеллигенты убеждались в том, что под мнимыми лозунгами свободы реставраторы капитализма жестоко обманывали их.

И вот сейчас Будапешт снова пробуждается к созидательному труду, к мирной жизни. Вчерашний день был в этом отношении особенно показателен.

С утра к фабрикам и заводам, в министерства, конторы, бытовые учреждения несомкнутаем потоком шли люди. Шли, ибо метро, трамвай, троллейбусы еще не работали. Многие тысячи рабочих заполнили пеки Чепельского металлургического и машиностроительного комбината, коллетики которого одним из первых, несмотря на сопротивление реакционного подполья, выступил за возобновление трудовой деятельности. В мартеновских печах Чепеля сегодня снова плавит сталь, в машиностроительных цехах монтируются станки.

Вновь загрохотала леденки и пневматические молотки на Обудском суостроительном заводе. Вновь пулены конвейерные ленты на Будапештском заводе сельскохозяйственного машиностроения.

Конечно, путь возвращения к мирному труду после разгута в городе контрреволюции не легок. Большое количество оборудования вывезено из строя, материалы расхищены, многие склады и базы разграблены и сожжены. Но в среде венгерского рабочего класса все меньше и меньше уныния.

Уполномоченный Министерства металлургической и машиностроительной промышленности Янош Чергэ рассказал нам о намечающемся взезде трудового подьеме. Все честные рабочие стремятся быстрее возобновить производство. Они просят обучать, права, уже разрозненные, нелегитимные вооруженные контрреволюционные и бандитские группы, что террором и угрозами пытаются запугать рабочий класс, помешать возобновлению нормального производства.

— Если бы, — говорит Чергэ, — бывшее правительство Имре Надя вооружило рабочих и в своей политике опиралось на рабочий класс, в Венгрии никогда бы не могли произойти те черные события, свидетелями которых мы были. Рабочие Чепеля, готовые до конца защищать завоевания народной власти, уже 24 и 25 октября настойчиво требовали оружия. Однако оружие пошло не к рабочим, а в руки контрреволюционеров. Рабочие Чепельского комбината получили всего сто винтовок, а контрреволюционеры и бандиты, концентрировавшиеся в Чепельском районе, — несколько тысяч.

Ясно, что силы складывались не в пользу рабочих... Так было в недалеком прошлом. Ныне польская и Чепель мы видим совсем другую картину. Хорошо вооруженные рабочие отряды вместе с представителями народной полиции бдительно охраняют социалистическую собственность.

Вооруженные рабочие отряды можно видеть не только на заводах и фабриках. Плечом к плечу с бойцами Советской Армии эти отряды восстанавливают порядок в городе. И жизнь в Будапеште все более входит в нормальную колею.

Ежедневно в городе торгуют тысячи продовольственных и промтоварных магазинов. Пока у дверей стоят еще очереди, но это не из-за недостатка товаров: большие запасы их имеются на складах. Очереди — это результат слухов, распускаемых реакцией. Без устали твердит она о предстоящем обесценении денег, товарном голоде.

Но реакция просчитается и здесь. Доказательство тому — все более полнокровно пульсирующая жизнь Будапешта, всей страны. Доказательство тому — братская бескорыстная помощь Венгрии со стороны Советского Союза, Китайской Народной Республики, Чехословакии и других социалистических стран.

Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть на будапештские вокзалы. Сюда непрерывно прибывают длинные составы с мукой, сахаром, жирами, мясом, оборудованием. Особенно много поступает строительных материалов, столь необходимых израненному городу. Только сегодня из Советского Союза и других братских стран прибыло в Будапешт 117 вагонов самых разнообразных строительных материалов, в том числе 19 вагонов стекла, 58 вагонов цемента, 40 вагонов кирпича. Помощь идет из многих стран.

Ка вечеру в Будапеште стало еще оживленнее. На некоторых магистралах началось, — а это сейчас очень важно, — движение трамваев, автобусов. Ныне польская и Чепель вновь принимают телезвонки, в том числе и международные. По телефону можно снова поговорить с Москвой, Прагой, Бухарестом и другими зарубежными городами.

На улицах Будапешта все больше рабочих с лопатами, кирками, носилками. Они расчищают завалы, убирают мусор, навешивают оконные рамы и двери, приводят в порядок витрины и фасады домов.

Оценивая обстановку, председатель исполкома столичного Совета коммунист Калман Понграц сказал нам сегодня: «Перелом наступил, реакция терпит поражение. Венгерский народ вновь встает на путь строительства социалистической Венгрии».

С. ДМИТРИЕВ

БУДАПЕШТ, 21 ноября. (По телефону).

Встреча литераторов с работниками сельского хозяйства

Что новое происходит сегодня в деревне? Какие явления — уже различные всеми и глубинные, еще не ясно видимые, совершаются там? Каковы новые сдвиги, которых можно ждать в ближайшее время? — вот те проблемы, разговор о которых состоялся 20 ноября в Центральном Доме литераторов между писателями, пишущими о деревне, и руководителями союзных министерств —

ЧУВСТВА НА ПРИВЯЗИ

Анатолий АЛЕКСИН

Недавно я получил письмо от читательницы Ланы Ланиной, студентки педагогического училища из города Серпухова. Она пишет: «У меня нет родителей, я воспитывалась в детском доме № 48 в Москве, и я очень благодарна персоналу этого детского дома, а особенно директору А. И. Дружинину за то, что я все-таки получила тепло семьи. Может быть, потому, что я рано потеряла родителей, меня особенно радует знакомство с каждым новым хорошим человеком. Больше всего меня интересует «движения человеческой души», и поэтому я всегда очень рада, когда нахожу это в книге. Но у нас иногда встречаются книги, в которых больше обращают внимания на эффект действия, а самое главное — душу — забывают. Я учусь в педагогическом училище, в этом году была вожатой в четвертом классе и очень полюбила своих ребят. Я убедилась, что никакая строгость и требовательность не добьются успеха, если неправильно поняла душу ребенка, — и в моей будущей профессии меня привлекают именно поиски ключей к каждому характеру... Всем известно, что, вступив в пору юности, некоторые молодые люди «стесняются» проявлять свои чувства. А как хорошо, когда человек не стыдится этого и говорит о своих чувствах к людям, родным и знакомым открыто, душевно и чисто...»

Эти последние строки заставили меня серьезно задуматься. Захотелось поделиться своими мыслями не только с Ланой Ланиной. Поэтому свой ответ Лана я решил опубликовать в «Литературной газете».

Дорогая Лана! Ваше письмо глубоко взволновало меня. Оно вызвало тревожные мысли о многом: о теплоте человеческой, о том, что некоторые молодые люди, вайши и мои друзья, боясь показаться сентиментальными, впасть в чувствительность, гасят в себе настоящие чувства. Горячие, искренние слова о горячих, искренних движениях души они считают старомодными: им было место в прошлом веке, а мы живем в пору суровой мыслительной сдержанности... Боясь быть высколбаченными, они парят так низко, что рискуют врезаться в землю. Впрочем, Лана, проблема, которая волнует вас, в каждом случае настолько интимно-индивидуальна, что не стоит сразу делать выводы. Лучше обратиться к фактам, с которыми столкнулся моя жизнь.

«Треугольные» — понятие геометрическое. Однако в наших повестях, рассказах и пьесах о треугольниках написано ничуть не меньше, чем в учебниках геометрии. Речь, разумеется, идет о так называемых «любимых треугольниках».

В «треугольных» литературных произведениях (как и в фильмах) действие обычно развивается по следующей схеме: два парня любят девушку. Один из них — удачливый и легкомысленный красавчик, буквально вопиющий о своих чувствах. А другой — сдержанный и очень цельный молчаливец, одолевший. Он молчит, только изредка преданно взирает на предмет своего обожания, но в последней главе неизменно одерживает победу.

Внутри одного «треугольника», который я наблюдал в жизни, все происходило как раз наоборот. Победил «красноречивый» юноша, не скрывающий своих чувств. Он, как говорится, умел «красиво ухаживать». Само по себе выражение не очень благозвучно, но суть его была не так уж неприятна девушке. Молодой человек посвящал ей стихи и даже романсы; в дни, когда она сдавала экзамены, он часами дежурил на улице возле института. Он не забывал, что ее интересуют новые фильмы, театральные премьеры и «даже» художественные выставки.

А мой близкий друг, представлявший другую заинтересованную сторону «треугольника», действовал, как ему казалось, очень благородно, а в общем весьма бессмысленно: он все молчал. И даже

подвел под свое безделье теорию, почерпнувшую из тех же «треугольных» художественных произведений: истинная любовь-де всегда молчалива! И что же? Девушка вышла замуж за другого.

Тогда лишь моего друга прорвало! Он вдруг вспомнил, что Пушкин, Лермонтов, Гейне, Блок совсем не боялись пылких и нежных слов. Он вдруг вспомнил, что не так уж молчаливы были Ромео и Арбенция, Анна Каренина и пушкинский Алёк. И даже мрачный Демон, «дух изгнанья», был не так уж «замкнут в себе»:

Я раб твой, я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел,
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.

Мой товарищ вдруг понял, что никакие слова любви и ласки не звучат банально или пошло, если только они произносятся голосом сердца. А он-то стеснялся этих прекрасных и возвышенных слов, хотя девушку любил по-настоящему и влюбленной любовью. И откуда пришла к нему эта мысль, будто наш век не понимает страстного и поэтического выражения чувств. Понимает и ждет!.. И девушка тоже ждала...

Все понял мой друг, но было уже поздно. Приводя этот случай, я вовсе не собираюсь выводить из него некие железные «законы поведения влюбленных». В жизни по-разному бывает... Я лишь хочу выразить сомнения по поводу романтизации в некоторых наших произведениях человеческой сущности и «молчаливости» чувств.

...В течение многих лет подряд, примерно раз в три месяца, ко мне из соседнего дома приходила маленькая, сухощавая старушка с конвертом, который она несла в руках бережно и торжественно. Это было письмо от сына, инженера, жившего на Урале, в большом областном городе. Я должен был читать эти письма старушке (сама она была неграмотна). Когда я разворачивал большой лист бумаги, на котором где-то в центре вписаны шесть-семь мелких строчек, старушка наедала на нос очки: то ли она хотела поближе разглядеть мое лицо в момент чтения, то ли хотела спрятать волнение и внезапные слезы, которые текли по щекам медленно, с трудом преодолевая глубокие морщины.

Письма, как я уже говорил, приходили аккуратно — один раз в три месяца, так сказать, «покалывало». Да и содержание их очень напоминало квартальный отчет о служебных и семейных делах инженера.

По ходу чтения я, сам того не замечая, оживлял и «утеплял» письма собственными фразами и обращениями к старушке. Именно эти фразы она просила перечитать по нескольку раз. Ей и в голову не приходило, что такой большой текст просто не мог уместиться в семь коротких строчек. А я думал: «Зачем инженер заставляет меня лгать? Почему он не хочет порадовать мать теплым словом? Разве сыновья любовь тоже должны быть молчаливой?»

А потом старушка умерла... И инженер пришел с Урала на похороны. Я видел его среди толпы людей, бездонно-глубокой тишины, какая бывает в комнате, где на столе стоит гроб. Сын, огромный, широкоплечий детина, горько и беззвучно плакал, неловко утираясь кожаными перчатками: видало, неприличное это было для него дело — слезы. И по этим мужским слезам я понял, что он глубоко любил мать. Так почему же он не согрел ее при жизни теплотой благодарного сыновнего чувства!

...Некоторые люди вырабатывают для себя этикет «правил движения души» — нечто вроде правил уличного движения. И следуют им, боясь, что за нарушение чье-то

мнение наложит на них суровый штраф. Особенно печально, когда таким правилам подчиняют свои душевные нормы и поступки совсем еще юные люди, только снарядившиеся в самостоятельную жизнь.

Я слышал, как два друга, мальчишки-семиклассники, часе восторгался своей учительницей истории. Они ждали ее уроков с таким же нетерпением, как очереди в библиотеке на новую книгу, которую они характеризовали коротко, но по-своему выразительно — «мировая».

И мне, помню, очень хотелось, чтобы учительница хоть случайно услышала их разговоры: я знал, что в школе, верные законам «мужской сдержанности», мальчишки не обнаружат свои чувства, что учительница не почувствует их привязанности.

И вот однажды старая учительница заболела.

— Ты ведь влюбишь ее? — спросил я одного из мальчишек.

Он мрачно кивнул в ответ: слово «любвишь» показалось ему слишком громким.

— Так зайдешь к ней домой. Узнай, как здоровы...

Мальчишка помрачнел еще больше и невинно пробормотал:

— Нельзя...

— Почему нельзя? — удивился я.

— Скажут подхалимаж...

— Кто скажет?

— Найдутся такие...

— Так неужели для тебя мнение этих самых «стакан» дороже радости, которую ты доставишь старой, больной женщине?

Мальчишка молчал. Я не сдавался:

— Захвати с собой других ребят. Вупте цветы и зайди к ней.

Тут уж мой семиклассник просто испугался:

— Что вы, что вы?! Учителям нельзя дарить подарки... Есть такая... ну, инструкция, что ли...

Мальчишка, путавшийся в правилах грамматики, он уже твердо знал все инструкции и предписания, которые мешали ему доставить радость старому человеку.

Почему? Кто в этом виноват? Быть может, родители, которые и с сыном были неслесков да и вообще остерегались непосредственности в выражении чувств? Или предпочитали деловую осторожность и обдуманность каждого шага. А быть может, виновата была и другая учительница, которая упорно приучала своих питомцев к сухому анализированию всего самого прекрасного: «Разберем образ Татьяны Лариной... Проанализируем любовные мотивы в лирике Пушкина».

...Знал я одну молодую супружескую пару. Вернее сказать, супруги были молоды по возрасту, а стаж совместной жизни был у них уже весьма солидный. Все в этой семье с виду обстояло хорошо, благополучно. И я даже ставил ее в пример себе и приятельям, семейный очаг которых слегка задымился, а то ли я купил, что нужно?

Спустя два года супруги помрачнели. Лицо ее искажилось, предвещая слезы.

— А ведь Сергей, — сказала она, кивнув в сторону мужа, — за десять лет ни разу даже флакона духов мне не подарил. Честное слово!.. И даже маленького букетика ландышей домой не привнес.

Сергей искренне возмущался: ведь он отдает жене все деньги и отчета не требует: пусть покупает себе все, что угодно! Пусть, наконец, купит себе подарок от кого-то, имени. Какая разница, — он скрывает

Новые стихи

Джемалдин ЯНДИЕВ

Язык человека

Когда ты несешь нам и злобу, и ложь, Какой ты презренный, язык человека!

Когда ты ничтожество сердца несешь, Ты людям, земле ненавиден от века.

Будь проклят, бесчестный язык человека!

Когда ты несешь нам добро, правоту, Какой ты богатый, язык человека!

Когда ты нам сердца дарить чистоту, Ты можешь расправить вершины Казбека,

О, мира отграда, язык человека!

Путнику

Возвращаясь или пускаясь в путь Ночью, днем, В поля или в тревоге,

От жидкой вдали Иль на пороге, Торопясь,

Иль вдумав отдохнуть, Если ты увидишь на дороге Камешь

И захочешь путнику помочь, Что шагает за тобою следом (Даже если он тебе неведом),

Чтобы не споткнулись ноги, — Камешь отыщирай с дороги прочь.

Так и ты, поэт! По волевой Если к правде, Если к лучшей доле

Ты не жалеешь всех людей вести, Постарайся песнями своими И делами честными своими Убирать плохое с их пути.

Перевел с киргизского С. Липкин

РАЗВИВАТЬ ДЕЛОВУЮ ДРУЖБУ БРАТСКИХ ЛИТЕРАТУР!

Товарищеский контакт

С чувством удовлетворения прочитавшим, азербайджанские литераторы, письмо группы писателей Узбекистана, опубликованное 20 октября в «Литературной газете». Да, действительно, обмен творческим опытом всем нам, советским литераторам, крайне необходим. Он делает еще более плодотворными творческие взаимодействия, те постоянные духовные связи, которые так характерны для нашей многонациональной литературы.

Безусловно правильно предложение о региональных встречах писателей братских республик. У литераторов Закавказья такие встречи бывали в прошлом неоднократно, и для обмена творческим опытом они имели серьезное значение. Мы помним, какой плодотворной была проведенная в 1944 году в Тбилиси декада музыкального искусства Грузии, Армении и Азербайджана. Почтенный опыт наших художников: они регулярно устраивают межреспубликанские творческие конференции в Тбилиси, Баку, Ереване. Весной этого года в столице Азербайджана состоялась встреча художников-карикатуристов.

В Азербайджане, как и в других наших республиках, каждый год увеличивается издание книг, переведенных с языков народов СССР. В планах азербайджанских издательств значительное место занимают произведения писателей Узбекистана, Армении, Грузии, Узбекистана и других братских республик. Более тесные и деловые связи между писателями помогли бы еще лучше и продуманнее знакомить трудящихся разных республик с достижениями многонациональной советской культуры.

В качестве ближайшего шага к осуществлению ценной инициативы узбекских писателей мы предложили бы совместную встречу в Баку в октябре 1957 года писателей Азербайджана, Узбекистана, Туркмени, Таджикистана, Казахстана, Киргизии для обсуждения вопросов развития современной литературы этих республик.

Пусть рвнрнут и развиваются деловые творческие связи писателей братских республик!

Сулейман РАГИМОВ, Мехти ГУСЕЙН, Сулейман РУСТАМ, Али ИСМАНОВ, Мир Джагал, Ямад АРИФОВ, САРЫВЕЛЛИ, Расул РЗА, Мамед РАГИМ, Ильяс ФОНДИЕВ, Бахтияр ВАГАЗЗАДЕ, Зейнал ХАЛИЛ, Ахмед ДИМАШИ, БАКУ

Мы за такую связь

Предложение узбекских поэтов о деловой дружбе от души поддерживаем, ибо такая творческая связь поможет нам ближе узнать друг друга, разрешит проблемные вопросы нашей творческой жизни, окажет теоретическую и практическую помощь писателям республик.

В этом отношении поэты Киргизии и Казахстана имеют некоторый опыт. В прошлом году по инициативе Союза писателей Киргизии был проведен вечер казахской поэзии во Фрунзе. Киргизские поэты пригласили к себе своих коллег из Казахстана. Было организовано обсуждение творчества казахских поэтов. Они выступили перед читателями города Фрунзе, перед студентами Киргизского государственного университета. Киргизские писатели и читатели дали им ряд советов, сделали товарищеские замечания, высказали свои мысли о творчестве отдельных казахских поэтов.

А в мае этого года Союз писателей Казахстана провел вечер киргизской поэзии в Алма-Ате. Группа киргизских поэтов выезжала туда.

В газетах и журналах обеих республик были опубликованы материалы об этих встречах, о творчестве поэтов, напечатаны стихи. Как и во Фрунзе, в Алма-Ате тоже были затронуты некоторые общие вопросы нашего поэтического мастерства.

Жизнь показала, что такие творческие связи необходимо поддерживать и в дальнейшем, и поддерживать в более широком масштабе. Действительно, почему бы нам не провести дискуссии о современных проблемах нашей поэзии? О своеобразии поэзии близких по языку народов? На такие обсуждения надо приглашать поэтов не только соседних республик. Например, на обсуждение творчества среднеазиатских поэтов хорошо было бы пригласить поэтов Прибалтики.

Итак, мы тоже за деловую дружбу, сорваться по перу. Нам кажется, развивать и организационно помогать этому делу должен не только секретариат, но и предвидим Союз писателей. Опыт, накопленный в писательских организациях республик, нуждается в широком обобщении и пристальном изучении.

Алы ТОКМБАЕВ, Кубанычбек МАЛИНОВ, Тамирхан УМАТЛИЕВ, Абдракул ТОКТОМУШЕВ, Соорбай ДУСУЕВ, г. ФРУНЗЕ

Необходим обмен книгами

Недавно на одном своем собрании чувашские писатели горячо высказались за расширение «границ» переводческой деятельности. Дело в том, что перевод и издание произведений писателей братских республик в Чувашской АССР до сих пор носили в значительной степени случайный характер. В тематическом плане Чувашского государственного издательства, например на 1957 год доведено много «белых» пятен, в него не включены произведения писателей многих братских республик. А эта работа — издание книг писателей братских народов на чувашском языке — насущно необходима для того, чтобы предстоящие деловые встречи наших писателей с литераторами других республик проходили по-настоящему плодотворно.

Правда, за последние годы на чувашский язык переведено 71 произведение украинских писателей, 48 произведений татарских писателей, изданы отдельные книги или опубликованы в журналах стихи, рассказы, повести и романы белорусских, грузинских, казахских, таджикских, марийских, армянских, азербайджанских, латышских, осетинских, киргизских, туркменских писателей. Готовится к изданию большой сборник произведений эстонских писателей и некоторые другие книги.

И все-таки этого крайне мало. Читатели требуют большего. Мы уже наметили к изданию на чувашском языке книги писателей союзных и автономных республик не только на 1957, но и на 1958 год. Немалая роль будет отведена печатным органам Союза писателей. В этом отношении богатый опыт накоплен редакцией нашего журнала «Ялав». В 1956 году журнал познакомил своих читателей с довольно большим количеством произведений инонациональных писателей.

В 1954 году представители чувашской писательской организации приняли участие в работе съездов писателей Украины, Татарии, Башкирии, Удмуртии, Марийской и Мордовской АССР. Мы, по-видимому, будем приглашены и на будущие съезды писателей многих республик. В подарок нашим товарищам мы хотим привезти их книги в переводе на чувашский язык. Такие подарки, по нашему мнению, во много раз важнее и нужнее торжественных собраний и банкетов. Без взаимного обмена книгами вообще немиссиям разговор о деловых литературных связях.

Целиком поддерживаем предложение узбекских поэтов о расширении территории литературных «недель» и «декад» и думаем, что их также невозможно проводить без широкой пропаганды достижений литературы на языках народов СССР.

ЧЕБОКСАРЫ А. ТАЛВИР

Забывтые имена

Н. Гудзин

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

I. Поступательное движение в любой отрасли культуры, науки, искусства немисливо без освоения достижений прошлого, положительного опыта деятелей прошедших эпох. Это — самоочевидная истина. Наше литературоведение развивалось усилиями историков и теоретиков литературы и литературных критиков — революционных демократов (Белинского, Чернышевского, Добролюбова). Подлинно научные методологические основы его заложены были в трудах основоположников марксистской науки в России — Ленина и Плеханова.

Как бы велик вклад революционно-демократической критики в русскую литературоведческую науку, нельзя забывать о том, что литературоведение само по себе как историческая и историко-теоретическая дисциплина не являлось основной целью их работы. Оно не являлось также главной задачей передовых писателей и критиков, их предшественников. Литературоведческие проблемы, как правило, подчинены были потребностям художественной критики и намеренно, незамаскированно проводившимся злободневным публицистическим взглядам. Передовая русская критика не вдавалась в такую меру, как наука о литературе, целью исторического освоения фактов, изучения их генезиса, их систематизации, собирания и разяснения, наконец, теоретического их осмысления в свете мирового литературного процесса и международных связей. Литературоведение неизбежно должно было обособиться в специальную дисциплину, лишь допустив специальную критику. Такой самостоятельной дисциплиной оно продолжает существовать и в наше время.

Само собой разумеется, что наука о литературе, как и сама литература, отражала борьбу классовых сил, участвовавших в творчестве нашей культуры, столкновение их общественно-политических идеологий — прогрессивных и реакционных.

Нужно иметь также в виду, что русская литературоведческая наука развивалась не изолированно от науки западноевропейской, а в связи с ней, ее развитием, по рою следу за ней, иногда ее опережая. В исторических судьбах нашего литературоведения, в тех этапах, через которые оно

прошло, была своя закономерность, как и в судьбах любой другой науки, и странно было бы ее движение огулом объяснять производом того или иного деятеля. И недостатки, и достижения нашей науки о литературе находят параллель в общеевропейском литературоведческом процессе.

Русское академическое литературоведение выдвинуло ряд выдающихся имен. Среди них — Буслаев, Пыпин, Тихонравов, Потебня, Александр Веселовский, В. Миллер, Шахматов. Не упоминаем имен многих других, — они в той или иной мере шли по стопам названных ученых. В настоящее время при отделе литературы и языка Академии наук СССР существует комиссия по истории филологических наук. Ее задача — широко изучать и публиковать научное наследие дореволюционных и советских литературоведов и языковедов.

В рамках газетной статьи невозможно осветить даже то, что связано с деятельностью хотя бы перечисленных выше русских литературоведов. Поэтому мы сосредоточим внимание на двух именах, наиболее показательных для истории дореволюционной русской науки о литературе, — на Буслаеве и Александре Веселовском.

2. Если не считать подготовительной работы, проделанной в области русского литературоведения до 40-х годов XIX века, то первой выдающейся фигурой в русской науке о литературе был Буслаев. Этот ученый отличался незаурядной самостоятельностью и большой широтой своих интересов. Он сделал крупный вклад в науку как историк литературы и народной поэзии, историк древнерусского и византийского искусства, как языковед и археолог. Он сыграл немалую роль в дальнейших судьбах русской историко-филологической науки.

и сюжетов в поэтич. Особое значение имели материалы отдельных народов объяснялись общностью их природы. Согласно этой теории, народы создали мифологическую систему еще в той общей колее, из которой затем разошлись и донесли до позднейших времен основы древней мифологии. Для своего развития филологическая наука. Она в условиях тогланней немецкой действительности была проникнута идеями демократизма и народолюбия. Вместо преимущественного культа корифеев литературы эта школа отстаивала собрание и изучение божественных произведений народного творчества. Не удивительно, что в пору жившей в России крестьянской реформы она привлекала внимание Буслаева, сочувственно относившегося к раскрепощению народа. Но он не был слепым последователем своих учителей. Наряду с мифологическими элементами в произведениях русского устного творчества и в письменных памятниках Буслаев усматривал и такие стороны, которые определялись историко-бытовыми, социальными, географическими и книжными влияниями.

Буслаев не отгораживал творчество русского народа от творчества других народов, не замыкал его в изолированных рамках. В сближении своего с чужеземным он не видел ущерба для национальной культуры и не усматривал в этом ее принижения. «Нельзя довольно надвигаться», — говорил он, — почему некоторые из исследователей нашей старины смотрят по-директорски на сближения наших древнейших обычаев и преданий с чужеземными, и особенно с западными... Национальная фигура каждого народа, которому предназначена великая будущность (а таков и народ русский), обладает особенно силой протравить в свою собственность все, что входит в него извне. Следовательно, указывая на чужеземные влияния на русскую старину, исследователь говорит не столько во вред, сколько в пользу нашей народности, которая вышла самостоятельным из-под всех чуждых наворотов, усвоив себе из чужого только то, что согласно ее существу». И тут же Буслаев оговаривается: «Само собой разумеется, что при основательном исследовании нашей старины могут попадаться и такие подробности, которые на Руси могли перейти на север к немецким племенам». Большое значение придавал он установлению и изучению родственных связей русского

народного эпоса с эпосом других славянских народов.

Возражая против «аристократического» направления в подходе к литературе, против обращения исследователей только к светским литературам и искусствам, Буслаев порицал пребрежение к той литературе, которая удовлетворяла интересам широких народных масс. Он был против того, чтобы в оценке произведений искусства руководствоваться готовыми формулами условных эстетических теорий. Он не признавал нормативных, исторических оценок, но не был против эстетического суждения о художественных произведениях вообще. Будучи сам очень чутким ценителем литературы и изобразительного искусства, являясь первоклассным мастером слова в своих собственных трудах, Буслаев считал, что историк литературы и искусств должен идти путем «историко-филологической и эстетической критики». Стоит обратиться к статьям Буслаева в его «Исторических очерках русской народной словесности и искусства», чтобы убедиться в том, с каким тонким умением и мастерством подошел он к художественной оценке памятников литературы и искусства. Именно его выдающиеся эстетические восприимчивость вместе с большой эрудицией в области эстетики позволила ему стать полновластным новатором в сравнительном анализе словесного и изобразительного искусства.

С конца 60-х годов Буслаев признал ошибочность и устарелость филологической школы в ее основных положениях, отдавая преимущество через ней теории взаимного литературного общения между народами. Он уже не работал с прежней интенсивностью в области литературоведения, предоставляя это дело своим ученикам, в первую очередь Александру Веселовскому, и сосредоточился, главным образом, на изучении древнерусского и византийского искусства. Теория широкого литературного общения между народами, притом не только индоевропейской ветви, при всем допущенном ее прочтении, являлась, во всяком случае, шагом вперед по сравнению с теорией филологической. Прогрессивное ее значение заключалось в том, что в мировом литературном процессе было доказано участие не только избранной индоевропейской семьи народов, но и народов, не входивших в эту семью и стоявших на низкой ступени развития, вплоть до культурно отсталых племен Америки и Африки. В свете этой теории, как писал Буслаев, сравниваются в своих достоинствах все народности, в какой бы породе

они ни принадлежали и на какой бы ступени цивилизации ни стояли...»

Указав на дилетантское господство гримовской школы, не выходящей за пределы индоевропейской семьи языков, Буслаев далее писал: «Между тем учения пытливые, но довольствуясь соплеменной областью индоевропейской, направляла свою деятельность и на другие, чуждые народности, каковы алтайские, семитические, народности дикарей Нового Света, и в результате исследований по этому предмету оказалось, что большая часть преданий и сказаний, которые сначала признавались собственно народами индоевропейских, встречаются в поразительно сходных чертах — в финской Калевале, то в каком-нибудь мифе или обряде краснокожих дикарей Америки».

Нетрудно видеть, какое прогрессивное значение имеют эти высказывания Буслаева, особенно в свете исторических событий наших дней, когда все шире и шире происходит освобождение многих народов земного шара от колониальной зависимости, дающее им возможность увеличить вклад в общечеловеческое культурное развитие. Новые литературоведческие позиции Буслаева особенно наглядно сказались в его большой статье «Перехожие повести и рассказы», написанной в 1874 году и прослеживавшей международные литературные влияния и заимствования. Но он не учитывал исторических условий, породивших самый факт влияния и заимствования, и того национального творения, которое они приобретают. Кроме того, Буслаев исходил из несостоятельного положения о преобладании власти устоявшейся традиции в литературном процессе, что вскоре подхвачено было и Веселовским. Нужно сказать, однако, что это ошибочное положение вытекало из него, пусть несправедливо, из взраженного взгляда на роль народных масс в создании мировых художественных ценностей.

Общие существенные недостатки литературоведческих трудов Буслаева вытекали из отчуждения от тех путей, которыми шло развитие русской революционно-демократической критической мысли, а порой и из отрицательного отношения к ним, чем и обусловлены были суровые отзывы о его научной деятельности, особенно со стороны Чернышевского. В самом горячем порыве второго этапа освободительного движения в России Буслаев, будучи, несомненно, проникнутым живым сочувствием к народу, был, однако, далек от политической задачи, которая служила передовой русской общественности.

Труды Буслаева, особенно по истории литературы и народной поэзии, с точки зрения наших требований, представляемых в науке о литературе, во многом устарели, но не утратили научного искания, вложенных в эти труды, не устарели в большинстве случаев богатство накопленного в них материала и, главное, присутний им высокой эстетической вкуса и высокая культура художественного анализа памятников литературы и искусства.

3. Следующий этап в истории русского литературоведения связан с деятельностью ученика Буслаева — профессора Петербургского университета и академика Александра Веселовского. Интересы его не отличались таким разнообразием, как у Буслаева; он, например, специально не занимался вопросами языкознания и истории искусства, как его учитель. Но в области литературоведения Веселовский обнаружил поразительную широту знаний. Он был первоклассным знатоком русско-славянского, византийского и западноевропейского литературного средневековья, древнего и нового фольклора различных народов, литературы эпохи Возрождения, новой русской и западноевропейской литературы, этнографии. Ему принадлежат многочисленные работы по истории литературы и ряд трудов по теории литературы и психофизиологии творчества. Свободно владел большим количеством европейских языков (древних и новых, в том числе и славянских). Веселовский имел возможность привлекать тексты на самых разнообразных языках.

С вступлением Веселовского на научное поприще русское литературоведение вышло на новый путь. Филологическая теория в ее устоявшейся форме, с позиций которой литературоведы старой школы подходили к изучению народного творчества и памятников старинной литературы, не удовлетворяла ученого. Вслед за первыми тузами ревизионизма основные положения этой школы, — выдающейся книгой Пыпина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» и известным исследованием немецкого ученого Бенфея о «Панчтантре» — Веселовский стал на путь сравнительного исторического изучения памятников литературы и фольклора, руководствуясь теорией международного литературного общения. Он не отрицал целиком филологическую гипотезу применительно к произведению народного творчества, но считал, однако, что она «принуждена поступиться долей своего господства историческому взгляду, оставившемуся на раскрытии ближай-

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Эти армии, эти линкоры знакомы и мне, и к моим берегам подходили такие когда-то, чтоб в ночной тишине их солдаты на берег сошли. Эти армии смерть мне несли, им хотелось мена задуть, чтоб отнять свет у глаз, дарованье у рук. Их тогда сбросил в море народ мой герой. Это был год одна тысяча девятьсот двадцать второй... Египтянин, мой брат, мы с тобою носим одни имена, наша доля одна, наша песня одна и усталость одна. Все, что есть в городах моих лучшего,— все прекрасное, все великое, все живое, все в борьбе твоей рядом с тобою. В деревнях моих люди читают молитвы

Египтянин, мой брат, — это знаю я, так же, как ты, — независимость — это ведь, брат, не автобус, чтобы сесть на другой, если первый ты пропустил. Независимость — это как наша любимая, если ты хоть однажды ее обманул, очень трудно ее воротить. Египтянин, мой брат, ты в беде не дрожал, свою кровь с водою канала смешал. Если ж кровь человека смешалась с водой, смешалась с его землей, ему ближе всего, дорожке всего становится край родной. Разве можно сказать, что живет тот народ, чей сын за Родину не умрет?

Перевела М. ПАВЛОВА

Египетский солдат Рисунок А. Динафарова

ХРОНИКА Литература и искусство за рубежом

«МОЛЕНИЕ О СЧАСТЬЕ»

В связи с двадцатилетием со дня смерти Лу Сина Пекинская киностудия выпустила новый художественный фильм «Моление о счастье», сценарий которого написал драматург Ся Янем по одноименному рассказу Лу Сина. В фильме рассказывается о судьбе забитой и всеми гонимой крестьянки Сян Линь. Ее жизнь — это удел многих женщин в старом Китае. Она пытается выступать против порядков, унижающих человеческое достоинство, но у нее не хватает сил для решительного протеста. Униженная Сян Линь погибает, замерзая в новогонюю ночь в снегу, накануне совершения обряда «моления о счастье». При жизни Лу Синь очень неохотно дал однажды свое согласие на экранизацию одного из своих произведений. Писатель опасался, что его произведение будет сильно искажено, и предупреждал, что в этом случае оно не будет иметь к нему никакого отношения. Но сценарист фильма «Моление о счастье», как пишет критик Цзинь Цао в газете «Женьминьбао», проявил глубокое понимание особенностей художественного мастерства Лу Сина, сумев в сценарии сохранить замысел Лу Сина.

О ЖИЗНИ КАМЕРАУНА

Вышел в свет второй роман камерунского писателя Фердинанда Ойно «Старый негр и медаль». В этой книге, как и в своем первом романе «Жизнь боя», писатель обличает призыв французских колонизаторов в Камеруне. «Фердинанд Ойно отлично знает, что такое колониализм», — пишет критик Режи Бергерон. — Он вскрывает его истинный, звериный облик, показывает, что колониализм опирается на два орудия своего могущества: крест и кнут». Герой нового романа Фердинанд Ойно — добродушный старый негр Мека. Он покорило несует ярмо угнетения. Приняв католичество, Мека отдает свои земли католическим миссионерам. Оба сына Меки погибли, сражаясь во время войны на стороне французов. Такая горькая судьба досталась и его жене, когда французский верховный комиссар торжественно вручает старому Меке медаль. С этого момента начинается прозябанье старого негра Мека, с детским волнением ожидавший награды, убеждается в том, что все вокруг построено на обмане. Все белые начальники, в том числе и католический священник, которого он, Мека, считал своим другом, по-прежнему презирают и третируют его. Старого негра бросают в тюрьму, и, хотя он вскоре выходит оттуда и вновь возвращается в свой дом, чувствуя разочарование и озлобление уже не покидают его. Мека понял, что в действительности для него существует только одна оборотная сторона медали. «Каждая страница второго романа Фердинанда Ойно дышит гневом и возмущением народа, изнывающего под тяжким игом», — пишет Режи Бергерон на страницах газеты «Оманите». Французский писатель Жан Марсенак усматривает особую ценность новой книги Ойно в том, что она показывает, как истрадавшийся униженный человек приходит к необходимости борьбы за справедливость.

Одной из последних книг-новинок, с которой познакомились итальянские читатели, является книга Альдо Де Яно «Город восстает», вышедшая издательством «Эдитори riunite». Журнал «Вне новуме», сообщая о выходе книги, замечает, что она представляет собой «первую попытку исторического обобщения событий, послуживших началом движения Сопротивления в Италии». На сцене обложки книги «Город восстает».

ТРИЛОГИЯ В. МАРТИНЕКА

«Обгоревшие ветви» — так называется роман чешского писателя старшего поколения Войтеха Мартинька, посвятившего свое творчество исключительно родному краю — Острове. Его новая книга также рассказывает о событиях, происшедших в этих местах. «Обгоревшие ветви» — вышедшие издательством «Чехословацкий писатель», завершают трилогию, первые части которой вышли более десяти лет назад. Роман возвращает чешского читателя к трагическому периоду в истории Чехословакии — фашистской оккупации. Различными людьми населен мир книги «Обгоревшие ветви». Автор знакомит читателей с молодым остравским учителем Павлом Яношеком, участником подпольного движения сопротивления, погибающим от рук нацистов, с его родственником Жезуликом и другими людьми, поразному откликнувшимися на события. Чехословацкая критика, положительно встретившая новый роман Войтеха Мартинька, отмечает реалистичность творческой манеры писателя.

ПРИСУЖДЕНИЕ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Состоялось присуждение Нобелевской премии в области литературы. В этом году ее удостоен выдающийся испанский поэт Хуан Рамон Хименес. Хуан Рамон Хименес родился в 1881 году на юге Испании, в солнечной Андалусии. Он учился в университете в Севилье и рано начал заниматься поэтическим творчеством — в конце прошлого столетия вышли первые сборники его стихотворений. Уже в этих юношеских книгах проявила себя яркая поэтическая индивидуальность. С тех пор Хуан Рамон Хименес выпустил несколько десятков сборников стихов, принесших ему широкую известность. Современная поэзия критика отмечала мастерское владение словом, глубину и свежесть чувств, своеобразие образов в его творчестве. В 1936 году Хуан Рамон Хименес эмигрировал из Испании на Кубу, а затем в США. Сейчас поэт постоянно живет в Пуэрто-Рико, где преподает в университете.

«СЦЕНА СРЕДИ СКАЛ»

«Сцена среди скал» — это звучит довольно странно, но тем не менее такой театр существует. Находится он в одном из живописнейших уголков Германской Демократической Республики, в так называемой «Саксонской Швейцарии», и носит имя «Фельденбург», что в буквальном переводе и означает сцена среди скал. В этих местах проводят свой отпуск в санаториях Объединения свободных профессоров тысячи трудящихся ГДР, многие посещают эти места в свой выходной день. В репертуаре театра — ряд классических пьес и опер. «В этом году», — пишет журнал «Фрау фон хейте», — каждый раз до двух тысяч зрителей слушали оперы «Оружейный мастер» и «Волшебный стрелок» и смотрели драмы «Разбойники» и «Саламейский алькаль».

КНИГА

«Наши литераторы» — так называется трехтомник литературных портретов, изданный одним из известных индийских писателей на языке малайялам Паллиана Кунджуринаном. «В нашей литературе, столь богатой прозой и поэзией, все еще мало исторических, биографических и критических работ», — пишет рецензент индийского литературного журнала «Пен», подчеркивая значение труда П. Кунджуринана для индийской литературы. В книгу вошли портреты хорошо известных представителей индийской литературы. Автор рецензии отмечает живой стиль и в общем довольно объективные оценки в трехтомнике.

ФИЛЬМ

В течение последних полутора лет в американских журналах и газетах регулярно появлялись снимки и сообщения о съемках в Италии большого фильма по роману Л. Н. Толстого «Война и мир». Режиссер постоянно держал будущих зрителей в курсе дела. Так, печать извещала, что фильм обойдется голливудской фирме «Парамаунт» в 6 миллионов долларов, что актрисе Одри Хепберн, исполняющей роль Наташи Ростовой, был уплачен небывалый гонорар. Приводились и многие другие цифровые выкладки: восемь авторов в течение года писали сценарий, 90 портных шили костюмы в течение семи месяцев, в съемках фильма принимали участие актеры десятка стран и 15 тысяч итальянских солдат, фильм длится 3 часа 28 минут. И вот недавно в Нью-Йорке состоялось премьера фильма и появились первые рецензии. Надо сказать, их тон отличал от многочисленных сообщений американской рекламы. Критика

«ВОЙНА И МИР»

подчеркивает грандиозность массовых сцен, качество цвета в кинокартине. Но что касается образов романа, то здесь, по мнению рецензентов, нет оснований радоваться творческим удачам. Вот что пишет, например, критик газеты «Нью-Йорк таймс»: «Главные герои картины кажутся второстепенными людьми, банальными и без достаточной глубины... Они проходят один за другим на экране, обладая чуть-чуть большими индивидуальными качествами, чем безымянные солдаты в массовых батальных сценах... Человеческие судьбы, о которых так чудесно рассказывал Толстой в своем романе, в картине показаны отрывочно и неопределенно, несмотря на значительное количество времени, отведенное на них». Журнал «Таймс» также довольно скептически относится к фильму. Подчеркивая, что участие в картине актеров из разных стран отнюдь

не способствовало созданию цельного впечатления, и бо все они говорят на английском языке с различным акцентом, критик журнала замечает далее: «Герои потрясающего романа Толстого настолько живы, что кажутся с кожей членами семьи и друзьями, чем выдуманными образами. На широком экране системы Вистажинге же самые люди выглядят лишь простыми актерами, которые больше привыкли носить спортивные рубашки и ботинки для велосипедных прогулок, чем наряды дворян и военных лагерей восемнадцатого века». Мы не знаем, насколько глубока и содержательна жизнь героев Толстого на американском экране, но можем предположить внешне некоторых

из них советским зрителям и дать возможность сравнить их с теми персонажами, которые сложились у каждого из нас. На снимке: Одри Хепберн (Наташа Ростова) и Генри Фонда (Пьер) в фильме «Война и мир».

Лев Павлович Пасынков

Умер Лев Павлович Пасынков, один из старейших русских писателей. Родился Лев Пасынков в 1886 году в городе Ростове-на-Дону, в семье железнодорожного служащего. Первые рассказы писателя были опубликованы в 1906 году в парижской демократической газете «Родная страна». Вскоре Пасынков поехал на военную службу в Тифлис, в Куринский полк. Здесь он сошелся с революционно настроенной группой молодежи, и тогда же появились его рассказы «У горы Давида», «Поезд смерти», «Был город», рассказы, в которых писатель свое выражение любви к родному народу и ненависти к его угнетателям. За свою литературную деятельность Лев Пасынков неоднократно преследовался царским правительством. В 1914 году в Петербурге Пасынков познакомился с Алексеем Максимовичем Горьким, который оказал в дальнейшем огромное влияние на его творчество. Лев Пасынков начал активно печататься в журналах и сборниках — «Страда», «Нива», «Огонек», «Летопипись». С 1922 по 1927 год Пасынков работает в Ростове-на-Дону, заведует отделом краевой газеты «Советский Юг», совершает многочисленные поездки по стране — в Иваново, на Северный Кавказ, в Дагестан, Азербайджан; знакомится с бытом народа, с национальными писателями. В результате поездок появляются такие

значительные произведения Пасынкова, как «Дети гор», «Голубой цветок», «Заповедные горы», «Тайна». В 1927 году Лев Павлович переехал в Москву и включился в работу писателей-москвитин. В 1932 году выходит первое издание его книги «Человек в лесу», а в 1940 году — второе. Годы 1942—1944 Лев Павлович провел в новых поездках по стране, писал очерки, возмания к бойцам Советской Армии, редактировал альманах «Киргизстан» и книги писателей братских республик. В 1944 году он вновь возвращается к работе в Москве. С 1944 по 1950 год руководит отделом литературы народов СССР «Литературной газете». В последние годы Лев Павлович Пасынков страдал тяжелым заболеванием глаз. Но несмотря на прогрессирующую слепоту, он продолжал работу, диктуя свои литературные записки о Горьком, Шолохове и о других видных советских писателях. Частично эти записки были опубликованы в журнале «Знамя». В конце жизни Лев Павлович Пасынкова потеряла талантливого писателя, редактора и переводчика, высказавшего отношение к своему делу, обладавшего необычайной скромностью, тонкой душой и большим сердцем. Президиум правления Московского отделения Союза писателей СССР

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИЯ, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1957 ГОД НА «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ» орган правления Союза писателей СССР ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 12 месяцев—62 р. 40 к. на 6 месяцев—31 р. 20 к. на 3 месяца—15 р. 60 к. Подписка принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», отделениях связи, общественных учреждениях по подписке на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, совхозах и колхозах.

ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ ЗАЖЖЕН

Олимпийский огонь зажжен, но спортивные таблицы начнут заполняться только сегодня. Единственный своеобразный рекорд был поставлен самолетом Ту-104, на котором советские спортсмены, перепрыгнув Гималаи, играли в домино, как в обыкновенном вагоне поезда, при скорости 900 километров в час. Не шлохулся, не плеснулся чай в стакане. Летели на восток из ночи в зрну. Это был самый короткий рассвет в жизни. Показалось, что он вспыхнул сразу, словно стог соломы. Вслед за тем в синеву небо стремительно врезало солнце. В Сингапуре душной ночью наши спортсмены давали первые интервью. Газетчики с пристрастием допрашивали, какие рекорды собирается наша делегация привезти из Мельбура в Москву. В Мельбурю прибывали вечером. Город широко раскинулся своими прямыми длинными улицами. Белыми, зелеными огнями он напоминал дремлющее поле картофеля, посаженного квадратно-гнездовым способом. Большой зал аэропорта был заполнен встречающими. Вероятно, впервые в одном месте было дано столько автографов. От аэропорта до олимпийского городка—больше двадцати километров, и на каждой остановке автобуса в толпе бедали блокноты и сияли улыбки. В Австралии о снегах и метелях знают понаслышке, но весна, которая наступает здесь в эту пору, не показала высоких результатов. Холодно, илут бесконечные дожди. Местная пресса печатает карикатуры, пытается вразумить погоду бичами сатиры. Значительно лучше здесь климат сердец и душ—всходит семена доброты и заботы. Пока почти не заметно сорняков,

хотя некоторые газеты Северного полушария пытаются везти их на австралийский юг. Впрочем, на дребезжании старых флюгеров не обращаясь ни на улицах Мельбура, ни в олимпийском городке, где живут спортсмены разных стран. В гости к советским спортсменам запросто приходят американские. Несмотря на дождь, под которым раскисли шляпы и пальто, были полны трибуны стадиона во время дружеского матча между австралийскими футболистами и советской сборной. На наш взгляд, мельбурские зрители-большинки не уступают в объективности московским. Аллодисментами встречался каждый красиво забитый гол. Выиграла советская команда. Но советские спортсмены высоко оценили корректность австралийских футболистов, личную технику, волю в победе. Матч получился дружеским и для футболистов и для болельщиков из разных полушарий. Интересно наблюдать, что происходит сейчас в Мельбурне. Несколько дней назад группа советских спортсменов была приглашена в театр на просмотр пьесы «Под деревом Колоба», пьесы, посвященной истории заселения Австралии. Оригинальная композиция постановки возбуждала песнями, танцами, она проповедует идею гуманного отношения к коренным жителям Австралии. Замечательно, что ставится она любителями, которые увлеклись задачей — создать подчеркнутый реалистический театр в противовес западному модернизму. Постановка имеет успех. Говорят, пьеса пойдет в других городах страны. После спектакля состоялась встреча советских спортсменов с артистами, окончившаяся взаимными пожеланиями успехов. Несколько наших журналистов случайно попали в клуб местной прессы. После не-

принужденной беседы австралийские журналисты попросили советских коллег поставить свои подписи под олимпийским плакатом с изображением двух рук, сомкнувшихся в дружеском рукопожатии. Второй плакат они сами подписали для московского клуба журналистов. На большом приеме иностранных журналистов были сказаны слова: «Пусть ваши перья пишут правду и саужат дружбу». Эти слова, выражающие дух времени, были встречены единодушными аплодисментами. Такой язык в наше время сильнее языка пушек, что было хорошо показано развитием событий в Египте. В Мельбурне, в маленьком домике, состоялась встреча австралийских писателей с советскими. Когда мы с Софроновым и корреспондентом «Советского спорта» Белаяевой приехали туда, хозяин дома, встретив нас на пороге, сказал, что это первая такая встреча представителей наших литератур, хотя в Австралии широко известны не только произведения русских классиков, но и советских писателей — Шолохова, Фадеева, Федина, Леонова, Зренбургера, Семушкина, Пановой и других. Организаторы встречи — известные австралийские писатели Джуда Уоттен, Алан Маршалл, Джон Моррисон, Ральф де Буасье — в приветственных речах указали на симпатии австралийских читателей к советской литературе, на влияние русских мастеров слова на зарубежную литературу. «Мы хотим искать свои формы для выражения наших художественных замыслов и национального характера», — говорили они, — и именно потому мы заинтересованы в дружеских отношениях, личных контактах с представителями огромной советской литературы. Нас объединяет то, что мы все, независимо от взглядов на отдельные проблемы, обязаны работать на благо человека и человечества». Один из старейших писателей Австралии, Ванс Палмер, рассказывал, что он ездил когда-то в Россию, чтобы повидать Льва Толстого, и не мог попасть в

Ясную Поляну, потому что началась забастовка железнодорожников. Исторически австралийская литература молода, как сама страна, однако в ней работает много талантливых, энергичных литераторов, ассоциаций, объединений, представителей различных направлений. В последнее время самый большой успех выпадает на долю реалистов — в них, в частности, принадлежит Катерина Причард, Фрэнк Харли, романы которых переведены и тепло встречены советскими читателями. В самой Австралии пользуются большой популярностью новеллы Джона Моррисона из жизни докеров. Сам бывший докер, писатель хорошо знает жизнь портовых рабочих. Нама встреча, сказал в заключение Джуда Уоттен, еще один хороший результат олимпиады, проходившей под знаком дружбы и взаимопонимания. В Ботаническом саду, рядом с пальмами и другими редкими деревьями пятого континента, мы увидели нашу землянку и русскую сосну. Оказывается, не в качестве дикийники попала она сюда. Внутренняя территория Австралии представляет белесоватую и красноватую пустыню, которая много часов подряд с монотонным однообразием движется под самолетом. Сейчас австралийские ученые ищут деревья, способные останавливать пески, чтобы создать зеленые заставы. Один из наших спутников сказал: «Пусть эти сосны будут единственными колкими предметами, которыми мы обмениваемся». Так складывались здесь отношения в канун олимпийских игр. Осталось только пожелать, чтобы погода следовала примеру людей и непрерывно улучшалась. О борьбе, которая развернется здесь на стадионах и в бассейнах, можно сказать одно: пусть победят самые сильные и умелые. Олимпийский огонь зажжен, игры начинаются.

Николай ГРИБАЧЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты» Мельбурн. (По телеграфу).